

РИФМА: ФУНДАМЕНТ СТИХА ИЛИ ВСПОМОГАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО?

Рифма возвращает вас к предыдущей строке, заставляет вспомнить её, заставляет все строки, оформляющие одну мысль, держаться вместе.

Владимир Маяковский

Споры о необходимости рифмы в поэзии, о возможности написания стихотворений без рифмы, о замене традиционного стиха верлибром вкупе с чрезмерной апологией последнего время от времени бушуют на литературных просторах России. Против рифмы приводят такие аргументы: её может и не быть в стихах. Ведь не было её в античной поэзии, где строгое чередование стоп создавало полную ритмическую упорядоченность, и рифмы как усилителя ритма не требовалось. В большинстве случаев рифма отсутствует и в народных стихах, связанных с музыкальным принципом.

Нынешняя пора выступлений против рифмы не исключение. Но только стоит ли вот так, одним махом, сбрасывать с корабля современности обычную (и привычную) рифму? Ведь без неё мы не знали бы и не смогли наслаждаться шедеврами русской и мировой поэзии... А потому наш третий урок именно о ней – о рифме.

Рифма... В стихах она играет огромную ритмообразующую и композиционную роль. **Рифмой** называется звуковой повтор, преимущественно в конце двух или нескольких строк (стихов):

Я пригвождён к трактирной стойке.
Я пьян давно. Мне всё – равно.
Вон счастье моё – на тройке
В серебристый дым унесено...

А. Блок

В русских пиитиках XVI–XVIII вв. этот повтор назывался «краесогласием». Хотя иногда создаются и внутренние рифмы, т.е. слова в середине стиха, которые рифмуются с рифмами в конце строки или между собой:

*Блестели и пели капли,
Златился покров ледяной...
Сестрицы сидели и млели
В окошке весной под луной.*

А. Белый

Важная роль рифмы объясняется главнейшими особенностями самой стихотворной речи. Её основными ритмическими единицами, как мы помним, являются стихи (строки). И возвращение через равные промежутки созвучных окончаний стихов отчётливо выделяет границы и сопоставимость тех ритмических рядов, которые представляют собою стихи.

Но рифма не только особенно подчёркивает членение стихотворного произведения на стихи (строки). В качестве изобразительно-выразительного средства

она во многих случаях выделяет слова, имеющие в стихе *главное смысловое значение*. Это – коренное свойство рифмованной поэзии: рифма не самоцель, она работает на содержание произведения, оказывает воздействие на читателя.

Как и клаузулы (т.е. окончания стиха, начиная с последнего ударного слога в нём), рифмы делятся на мужские, женские, дактилические и гипердактилические.

Мужская рифма – рифма с ударением на последнем слоге в строке: *лучи – ключи, холодок – огонёк, воде – нигде* и т.п.

Женская рифма – рифма с ударением на предпоследнем слоге в строке: *милой – белокрылой, горы – взоры, люты – якуты* и т.п.

Дактилическая рифма – рифма с ударением на третьем от конца строки слоге: *странники – изгнанники, линией – синие, бессонные – озарённые* и т.п.

Более многосложные рифмы (ударение на 4-м, 5-м и т.д. от конца слоге) называются *гипердактилическими*. Однако в поэзии они употребляются редко.

Вот пятисложная рифма **Валерия Брюсова**:

Холод, тело тайно сковывающий,
Холод, душу очаровывающий.
От луны лучи протягиваются,
К сердцу иглами притрагиваются.

Стихотворные произведения с рифмами одного вида обычно невелики по объёму. В больших произведениях повторение одних и тех же рифм утомило бы читателя однообразием ритма. Тем не менее, отдельные случаи такого рода встречаются. **М. Ю. Лермонтов** в поэме «Мцыри» (1839) для придания повествованию энергии, для раскрытия романтического и трагического внутреннего мира мужественного героя блестяще использовал исключительно мужские рифмы:

Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный как стон
Раздался вдруг... и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилёт,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертью грозил...

Но, как правило, в поэмах, стихотворных романах и подобных им жанрах чаще сочетаются различные виды рифм. Так, в «Евгении Онегине»(1823–1832) **А. С. Пушкина** женские рифмы сочетаются с мужскими:

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.

У **Александра Блока** в стихотворении «На железной дороге» (1910) мы видим сочетание дактилических и женских рифм:

Под насыпью, во рву некошенном
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,

Красивая и молодая.

У **Н. А. Некрасова** в стихотворении «Рыцарь на час» (1862) встречаем комбинацию дактилических и мужских рифм:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!

Рифмы также подразделяются на простые и сложные (составные). **Простая рифма** – это рифма отдельных слов: *сталь – жаль, знак – шаг, беда – звезда* и т.п. Действительно, очень просто!

Разновидностью простой рифмы является **замещённая рифма**: в этом случае разница в рифмующихся словах всего в одной букве, т.е. одна буква замещает другую, и получается совсем новое слово. Такое замещение может быть в начале слова, в конце и в середине: *нищ – лиш, ветер – вечер, молод – молот* и т.п.

Сложная (составная) рифма – рифма, составленная из двух или трёх слов: *городничего – не купи чего* (**Д. Д. Минаев**), *от крови щеку – кровельщицу* (**В. В. Маяковский**), *невыговариваемые – товар, и вы, и мы, и я* (**В. Я. Брюсов**).

Когда в конце рифмующихся слов последний звук почти не слышен, т.е. он как бы усекается, мы имеем дело с **усечённой рифмой**: *пламя – память, заря – заряд* и т.п.

В некоторых случаях усечение звука происходит не в конце слова, а в его середине или в начале: *прост – пост, трюк – тюк, брак – бак, музы – узы, хода – ода* и т.п.

Разновидность усечённой рифмы – т.н. **«йотированная рифма»**, когда в конце слова усекается (пропадает) краткий звук «и»):

И что ж? Поверил Бог *унылый*,
Амур от радости прыгнул,
И на глаза со всей он *силы*
Обнову брату затянул.

А. С. Пушкин

Интересны стихотворения (или их часть) с однозвучной рифмовкой, т.н. **моноримы**. В русской поэзии их немного. Один из самых известных моноримов «Когда будете, дети, студентами...» (1860-е гг.) принадлежит **Алексею Апухтину**, который иронически нарисовал карьеру русского чиновника (сравните с современностью):

Когда будете, дети, студентами,
Не ломайте голов над моментами,
Над Гамлетами, Лирами, Кентами,
Над царями и над президентами,
Над морями и над континентами,
Не якшайтесь там с оппонентами,
Поступайте хитро с конкурентами.
А как кончите курс с эминентами
И на службу пойдёте с патентами –
Не глядите на службе доцентами

И не брезгайте, дети, презентами!
Окружайте себя контрагентами,
Говорите всегда комплиментами,
У начальников будьте клиентами,
Утешайте их жён инструментами,
Угощайте старух пеперментами –
Воздадут вам за это с процентами:
Обошьют вам мундир позументами,
Грудь украсят звездами и лентами!..
А когда доктора с орнаментами
Назовут вас, увы, пациентами
И уморят вас медикаментами...
Отпоёт архирей вас с регентами,
Хоронить понесут с ассистентами,
Обеспечат детей ваших рентами
(Чтоб им в опере быть абонентами)
И прикроют ваш прах монументами.

Думаю, что такой рифмовкой поэт хотел подчеркнуть накатанность чиновничьей карьеры и её бездушие, рутину, механистичность, отсутствие творчества.

В зависимости от степени созвучия гласных и согласных звуков рифмы делятся на *точные* и *неточные*. Рифма называется *точной*, если гласные и согласные звуки, входящие в созвучные окончания стихов, в основном совпадают. Но критерий точности здесь подразумевает совпадение не буквенного выражения, а звучания. Такое звучание, например, есть в рифмах *жемчужною – южную* у **М. Ю. Лермонтова** или *свободной – благородный* у **А. С. Пушкина**. Точность рифмы увеличивается и от созвучия согласных звуков, которые непосредственно предшествуют последним ударным гласным в рифмующихся стихах: *скрежет – режет, страну – засну, точка – бочка, гвоздь – гость* и т.п.

Неточная рифма основана на созвучии одного, иногда и двух звуков: *рассказ – тоска, оружие – обнаруживая, гостя – осень*. Мастером неточной рифмы был **В. В. Маяковский**: *выставь – фашистов, комсомольца – молится, китайца – кидается*.

Сама по себе точность рифмы ещё не свидетельствует о её достоинствах. **В. В. Маяковский** справедливо указывал на то, что рифма только тогда сможет обратить особенное внимание на выделяемые поэтом слова, когда она неожиданна. Очень поучительной, ориентированной на практику является его статья «Как делать стихи?» (1926). К ней я и отсылаю начинающих поэтов.

Не надо думать, будто все рифмы в конкретном стихотворном произведении должны быть неожиданными, т.е. обращать на себя особое внимание. Случись это, и стихотворная ритмика стала бы чрезвычайно однообразной: все окончания стихов неизбежно произносились бы с наибольшей силой. Получилось бы сплошное отбивание тактов. На самом деле ритм стиха максимально разнообразится паузами, переносами и другими вспомогательными ритмическими элементами, о которых мы говорили на предыдущем уроке поэзии.

Неожиданными рифмами великие поэты обычно выделяют слова, которые несут главную смысловую нагрузку в стихотворении. **В. В. Маяковский** писал: «Конечно, не обязательно уснащать стих вычурными аллитерациями и сплошь его небывало зарифмовывать. Помните всегда, что режим экономии в искусстве – всегдашнее важнейшее правило каждого производства эстетических ценностей. Поэтому, сделав основную работу... многие эстетические места и вычурности надо сознательно притушёвывать для выигрыша блеска другими местами».

Подобный подход к рифме был и у классиков русской поэзии XIX века. Особенно ярко и сильно это впервые проявилось в творчестве родоначальника новой русской литературы **А. С. Пушкина**.

Большое значение в его поэзии имеют самые разнообразные ритмические элементы. Поэтому многие рифмы у Пушкина именно притушёвываются, не останавливают на себе читательского внимания. В «Евгении Онегине», к примеру, таких «притушёванных» рифм очень много: установка на рассказ требовала создания разговорной интонации. Поэтому и часты в этом романе в стихах обыкновенные, сразу приходящие на ум созвучия: *стулья – улья, громом – ромом, посадка – тирада, ждал – осаждал, закусил – спросил, врага – шага, облит – спешит*.

Но когда поэт хотел особо подчеркнуть рифмующиеся слова, он создавал и совершенно не принятые в поэтической речи его времени «краесогласия»: рифмовал нарицательные слова с собственными именами: *Тани – лани, городков – Петушков, Ленский – деревенский, Москва – глава, Кремля – моя*, русские слова с иностранными: *детьми – endormie, не спеша – entrechat*, слова с отдельными звуками: *стекле – О да Е*.

А. С. Пушкин специально подчеркнул содержательность рифмы, её связь с поэтическим смыслом стихов:

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы лёгкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге.
Минута – и стихи свободно потекут.

Заметим особо: рифмы «бегут» навстречу конкретным мыслям, ибо никаких заранее установленных норм и предписаний в сфере их употребления нет и существовать не может. В подлинно художественных стихотворных произведениях мы находим рифмы всех типов: и незаметные обычные, и неожиданные, и точные, и неточные, и простые и составные. Разные идейные замыслы поэтов индивидуально воплощаются каждым из них не только в образности, но и в форме произведений, в том числе в рифмовке.

Настоящие поэты всячески избегают банальных, стёршихся, примелькавшихся рифм. Как хорошо сказал **М. В. Исаковский**, «шаблонная рифма влечёт за собой и шаблонное содержание стихотворения». В своих «Кратких заметках», в разделе «По поводу рифм» он писал: «Существуют такие рифмы, пользоваться которыми просто уже неприлично. Между тем именно эти рифмы как магнитом притягивают к себе внимание некоторых стихотворцев. Один из примеров. В пензенском альманахе “Земля родная” (№ 7 за 1951 г.) напечатано стихотворение одного молодого поэта “Я люблю тебя, Родина”. Начинается оно так:

Уже липы пахучие

Песнь весны завели
Закипают в излучинах,
Реки нашей земли,

Расцветает смородина
И дубы шелестят...
Я люблю тебя, Родина,
Я твой верный солдат.

“Родина — смородина” — это как раз та рифма, которая не просто уже трафаретна, избита до предела, а скорее даже пародийна. Между тем она в стихотворении употреблена дважды: в начале стихотворения и в конце.

“Смородина” здесь плоха ещё и потому, что отнюдь не она, не расцветающая смородина характерна для картины наступающей весны. Всякому понятно, что она здесь только для рифмы. Никакой другой функции она не несёт и ничего собой не выражает. Она – чистейшая условность».

Михаил Исаковский оставил начинающим поэтам очень ценный совет: рифма не должна подбираться лишь ради себя самой. Иначе – творческая неудача и гибель стихотворения. Как в приведённом им примере: вставленная исключительно ради рифмы «смородина» испортила искреннее лирическое чувство автора фальшью образа.

Иногда о таких рифмах говорят: «Валяются под ногами». Но ведь рифмуют «кровь – любовь», «жизни – Отчизне», «Волга – долго». Я уж не говорю о глагольных рифмах, которые некоторые критики прямо называют *графоманскими*: *жить – служить, блуждали – узнали, знал – отравлял...*

Но так ли это? Глагольными рифмами насыщена вся русская классическая поэзия – от Гаврилы Державина до Юрия Кузнецова. Однако наших классиков никто в графоманы по этой причине не зачисляет. В чём дело? В содержании конкретного стихотворения, в оригинальности его идеи, в искренности лирического переживания, в нетрафаретности художественных образов. И тогда глагольные, а равно и иные простые рифмы, не замечаются читателем, поскольку его внимание переключено искусством поэта на другое. Но если содержание стиха убогое, переживания мелки, психологические коллизии фальшивы, образы шаблонны, то всё формальное несовершенство, в том числе и рифма, тут же вылезет напоказ во всей своей неприглядности.

Вспомним стихотворение-песню **Евгения Евтушенко**, которая открывает известный фильм «Ирония судьбы, или С лёгким паром!»:

Со мною вот что происходит,
Ко мне мой старый друг не ходит,
А ходят в разной суете
Разнообразные не те.

Со мною вот что происходит,
Совсем не та ко мне приходит,
Мне руки на плечи кладёт
И у другой меня крадёт.

Обратим внимание: рифмы «происходит – не ходит», «происходит – приходит» не просто глагольные и находятся в соседних строках, но ещё и однокоренные. Во второй строке все без исключения рифмы – глагольные. Кажется, куда дальше... Однако читатель и тем более слушатель не обращает на это внимания. Почему? Потому что, во-первых, он захвачен беззащитной открытостью и грустью чувства лирического героя, и, во-вторых, поэт обыгрывает здесь несколько значений глагола «ходить» с помощью приставок «про-» и «при-», в-третьих, рифма «кладёт – крадёт» – замещённая, с чередованием сонорных согласных «р» и «л», которые создают некую мелодию.

Боязнь «плохих» рифм не следует возводить в абсолют. Даже избитая рифма в определённом контексте окажется уместной. «Это может случиться тогда, – пишет **М. Исаковский**, – когда поэт сумеет вложить в эту “рифму” очень свежую, новую, отнюдь не привычную комбинацию слов, совершенно не похожую на те, которые мы с вами многократно встречали раньше. Сделать это крайне трудно, но всё же, наверно, можно. Тогда читатель и не заметит, что употреблена рифма очень старая и затасканная. Рифма как бы обновится».

Вот концовка стихотворения **Юрия Кузнецова** «Не сжалится идущий день над нами...» (1969):

Когда-нибудь и солнце, затухая,
Мелькнёт последней искрой – и навек.
А в сердце... в сердце жалоба глухая,
И человека ищет человек.

Рифма «навек – человек» – простая и многократно использованная самыми разными поэтами. Здесь же читатель её не замечает, он сосредотачивается на постижении философской глубины последней строфы стихотворения, влекомый космической апоклиптичностью заключённого в ней конечного вывода.

Использованная литература:

Абрамович Г. Л. Введение в литературоведение. – М., 1979.

Квятковский А. П. Поэтический словарь. – М., 1966.

Федотов О. И. Основы русского стихосложения. Теория и история русского стиха: В 2-х кн. – М., 2002. – Кн. 1 Метрика и ритмика.